

Мораль есть религия, перешедшая в нравы.

Генрих Гейне

Часть 1

Глава 1

Зеленая завеса тяжело колыхнулась и ушла в сторону. На мгновение открылся широкий проем в таинственную и ароматно пахнущую цветами темную пещеру из плотно подогнанных веток.

У меня сердце дрогнуло и сжалось от нежности и жалости, золотоволосая Гелионтэль, трепетная и тонкая, как гибкая лоза, вышла тяжело, откинувшись корпусом назад, уравнивая тяжелый живот. Ноги чуть согнуты в коленях и ставит она их очень широко, голова откинута, даже плечи отведены назад, как же моей малышке трудно двигаться...

Я торопливо покинул седло, Гелионтэль подошла к Зайчику и погладила по длинной переносице в том месте, где был рог. Бобик подбежал и подставил ей спинку, она почесала и это нахальное чудовище; я шагнул к своей прекрасной и нежной эльфийке, бережно обнял, стараясь не касаться огромного живота.

Она прошептала тихо:

— Мой господин...

— Мое солнышко, — ответил я и поцеловал в щеку, хотя намеревался впитаться в сочные сладкие губы, но она стеснялась и прятала лицо у меня же на груди. — Сокровище ты мое!

— Астральмэль, — произнесла она совсем тихо, — ты зайдешь?

— Для того и мчался сюда, — заверил я. — Летел аки сокол сизоносый. Позволь, мой птенчик, отведу тебя...

Ее прекрасные глаза наполнились слезами.

— Я теперь такой толстый птенчик... А вдруг так и останусь?

— Будешь еще краше, — заверил я. — Худенькая, стройная, только вот тут у тебя увеличится... Надо же будет кормить то маленькое чудовище, что появится на свет!

Она прошептала в ужасе:

— Это будет чудовище?

— Это какое, — заверил я. — Ты в него влюбишься сразу!

Полог опустился за нами, отсекая любопытные взгляды, я провел Гелионтель внутрь ее зеленой пещеры, бережно уложил на ложе из лебяжьего пуха и лег рядом, осторожно прикасаясь ухом к огромному вздутому животу.

В какой-то момент меня так лягнуло изнутри, что я отпрянул.

— Ого! Это прямо жеребенок!

Она в испуге взглянула на меня, в чистых глазах снова заблестели слезы.

— Правда? У меня будет жеребенок?

— Ну что ты, — сказал я, — с чего вдруг?.. Ты же не кобылка. И вообще... ты чего ревешь?

Она сказала с плачем:

— Не знаю. Теперь чуть что, сразу реву... Я такая и останусь?

— Уже скоро все пройдет, — заверил я, — снова станешь веселым и щебечущим эльфёнком, а ребенок будет просто чудесный, вот увидишь. Ты будешь счастлива.

Она всхлипнула, проговорила жалобным голосом:

— Я уже счастлива, правда. Но все равно реву.

— Это не ты ревешь, — объяснил я, — это организм ревет. Тело твое. Все скоро кончится, дорогая. Расслабься, теперь это дело времени...

Потом я лежал, раскинувшись на роскошном ложе, отдавался отдыху, а она встала и принялась готовить обед. Я повернулся набок и с нежностью наблюдал, как она передвигается по огромной зеленой пещере медленно и тяжело, движения осторожные, все время прислушиваясь к тому, что странно и таинственное происходит у нее внутри.

Я старался унять сердце, что захлебывается от нежности и жалости, — всегда резвая и стремительная, потому и пошла в разведчики, а сейчас вот только так: огромный живот вперед, полусогнутые ноги широко расставлены, двигается так, словно несет в себе огромный чан с водой...

Что же я с нею сделал, превратив прыгучего козленка в тяжелую черепаху, бедняжка, потерпи еще чуть...

На ее пальцах поблескивают драгоценные кольца, что я в прошлый раз привез и подарил, на отдельном столике красиво свернут в кольцо тонкий женский пояс из непонятного гибкого металла голубого цвета. В полутьме ярко-оранжевая пряжка светится собственным огнем, я даже рассмотрел переливы пламени.

— Скоро снова наденешь этот пояс Аналиэль! — заверил я. — Он в самом деле принадлежал этой, как ее, королеве Начала?

— Да, супруг мой, — ответила она, голос ее, несмотря на хрипотцу, звучит все еще чисто и музыкально. — Это бесценный подарок!

— Дык жене же, — возразил я. — Не кому-нибудь там на стороне, как у других. Я хороший и нравственный, вот лежу и люблюсь собой. Тобой тоже, кстати.

— Ой, как ты хорошо говоришь...

— Я такой, — согласился я. — Говорю хорошо, сам красавец и вообще чудо. У тебя и должен быть муж самый лучший!

— И ребенок у меня будет замечательный...

Я нежно поцеловал ее.

— Тоже самый лучший!.. Эх, век бы лежал вот так...

— Так лежи...

Я вздохнул и рывком поднялся с ложа.

— А труба, что зовет?

Снаружи Зайчик стоит на задних ногах, упершись передними в ствол дерева, и дотягивается пастью до веток, Бобик носится наперегонки с эльфийскими детьми, что, как уже знаю, остаются в этом возрасте пару сотен лет.

Едва я вышел из домика Гелионтэль, ко мне торопливо приблизился один из эльфов, учтиво поклонился, глаза горят любопытством.

— Сэр... вас ждет божественная Синтифаэль.

Мне показалось, что он не определился, как ко мне обращаться, то ли «конт Астральмэль», то ли уже «сэр Ричард».

— Бегу, — ответил я, — мог бы и сразу позвать! По зову королевы я готов вскочить в любой момент! Ну, почти в любой.

Он покосился с понятным выражением на лице, но промолчал. Сказочный дворец королевы эльфов, как мне почудилось, стал еще выше, прекраснее, или же это после одинаковых мрачных замков, где главное — мощь, а не изящество, но сердце сладко заныло от дивной красоты, половину оттенков которой даже не могу ощутить, дивность ускользает от грубых человеческих очучений, только чувствую, что здесь еще прекраснее, чем вижу, и тупо внимаю с раскрытым хлебалом...

Звучит настолько возвышенная музыка, что сердце застучало радостнее, я ощутил ликующий подъем, в зале прохаживаются по двое-трое эльфы и эльфийки, иные собрались в группы и нечто обсуждают важно, красавцы, а огромный зал как будто сам ведет меня по красной ковровой дорожке на ту сторону, там три ступеньки на помост, покрытый золотым ковром, а на нем

величественный трон, просто громадный. Наверное, чтобы подчеркнуть хрупкость и нежность королевы эльфов божественной Синтифаэль, рожденной из солнца и света...

Я шел к ней деревянными шагами, чувствуя себя гориллой в Версале, весь неуклюжий, но некоторые эльфы мне кланяются, что удивило, другие смотрят с презрительным недоумением...

Спинка трона мерцает таинственно звездами, ярче горит только корона на золотых волосах Синтифаэль. На этот раз она в красном платье, оно тоже скреплено на плечах крупными изумрудами, и я точно так же, как в первый раз, невольно уставился на них, подумав, что если расцепятся, то платье соскользнет...

Удлиненные и чуточку приподнятые к вискам зеленые глаза стали строже, словно видит мои простенькие мысли, очень человеческие, даже проще — мужские.

— Сэр Ричард, — произнесла она холодно, — признаться, мы не ожидали вас видеть в наших землях... снова.

Я преклонил колено, — как же это нетрудно делать перед красивой женщиной, — вскинул голову и сказал преданнейшим голосом:

— Но я ведь Астральмэль, Ваше Величество!

На ее красиво изогнутых губах проступила холодная улыбка.

— Уже нет, сэр Ричард. Насколько я знаю, милая Гелионтэль ходит сейчас очень тяжело.

— Да, Ваша Величество, — сказал я, — а я, как друг и аменгер ее мужа, обязан быть рядом и помогать...

Она величественно отмела красивым, поистине царственным жестом мои слова в сторону.

— О ней позаботимся мы сами. Счастливой дороги, сэр Ричард!

Я поднялся, учтиво поклонился.

— Ваше Величество, но любые договоры... будь это политические, экономические, гелиоцентрические или трансконтинентальные, нуждаются, как бы сказать по-красивше, в подбрасывании в огонь дровишек. Хотя иногда. Потому я хочу надеяться, что Ваше Величество оставит за мной право появляться здесь хотя бы для того, чтобы демонстрировать вечную и нерушимую дружбу двух великих народов с богатой историей и великими культурными традициями... э-э-э... о чем это я... ах да, народов людей и эльфов!

Она слегка поморщилась, чуть наклонила голову.

— Это право за вами остается, сэр Ричард. Тем более наши поданные смогут высказать вам напрямую свои претензии по поводу утеснений людьми.

Я сказал пылко:

— Никаких утеснений! Я им сам лапы поотбиваю!

Эльфы переговаривались, кто-то поглядывал с некоторой симпатией; королева произнесла тем же ровным голосом:

— Рада это слышать, сэр Ричард.

Я поклонился и отступил.

— Мы оба занятые люди, Ваше Величество. Но все же нам надо чаще встречаться Для поддержания процветания и мира между великими миролюбивыми народами и расами в духе взаимопонимания, ну и всего, что из этого вытекает, вплоть до остаться друзьями и совместно заботиться о том, что из додружбы вытекло, то бишь, наших общих интересах.

Она промолчала, стараясь понять, что я нагородил, а я еще раз красиво поклонился — трудно, что ли? — и пошел обратно, топая, как слон среди балерин, и тем самым утверждая свою человечность.

Возвращаясь из Эльфийского Леса, я раздумывал о гномах: от этих подземных умельцев можно поиметь намного больше, чем от прекрасномордых эльфов, нуж-

но только определиться с задачами, а то у меня в котелке только манящие перспективы и прочая маниловщина.

А законы насчет равноправия мало издать, нужно обеспечить их выполнение. Иначе могут полететь в тартарары и все остальные приказы, если народ увидит, что хоть какие-то можно не выполнять и за это не вешают.

Остается одна деликатнейшая вещь, к которой не знаю, как подступиться. Чтобы иные расы могли интегрироваться в наш мир, они должны принять христианство, иначе так и останутся на обочине. Но что-то подсказывает мне, что ни эльфы, ни гномы не станут принимать христианство даже понарошку, как сделали мараны.

Значит, их расы все-таки будут, как я и предполагал, жить в резервации со своими законами. Я обеспечу их неприкосновенность, а общаться будем через торговлю, о чем вообще-то и была речь, это я так загадываю...

Бобик забежал вперед, остановился и требовательно гавкнул. Я в изумлении придержал арбогастра.

— А ты как догадался?

Он гордо помахал хвостом и посмотрел снисходительно. Мол, у такого простака все на лице написано. Я молча ругнулся: значит, государственно-невозмутимое выражение нужно соблюдать и среди пустыни, мало ли кто увидит и сделает далеко идущий прогноз, получив тем самым стратегическое преимущество над другими.

— Ждите, — велел я.

Самую глубокую из пещер я выбирать не стал, было бы глупо, просто спустился в эту заброшенную из-за войны шахту, покричал там погромче, — имя Атарка должны знать, — наконец издали из самого темного угла донесся враждебный голос:

— Ну и чё?.. Зачем тебе Атарк?

— Нужен, — отрезал я. — Он мой кунак, можно сказать. По-вашему, кум. Не аменгер, слава богу, но почти родня. Этого довольно?

Голос прогудел в темноте могучий, словно со мной общается слон, а не гном, ростом мне разве что до пояса:

— Нет..

— Ну ладно, — сказал я с досадой. — Мы с ним заключили договор, что вы можете свободно входить в города людей и торговать своими... да не мордами, а изделиями, если еще не разучились. Я же зашел узнать, как продвигается международное и междурасовое сотрудничество, а также заодно принес заказ на гномью кольчугу и желательно молот.

Из темноты раздал угрюмый голос:

— Так бы и сказал, что заказ... а то про какую-то международную хрень...

— Так позовешь? — спросил я.

— Щас... Только насчет заказа... Мы берем дорого.

— Я верховный лорд двух с половиной королевств, — сказал я надменно. — Думаешь, мне заплатить нечем?

В темноте послышалось шмыганье могучим носом.

— Дык смотря какие королевства... Иные можно шапкой накрыть.

Как догадываюсь, у гномов все же есть что-то подземное скоростное. Насчет того, что гномы умеют ходить сквозь стены, я не очень-то верю, а вот что их что-то носит, и довольно быстро, убедился еще в прошлый раз.

Сейчас не успел и повызывать гномьи секреты, хотя у гномов мало что узнаешь, — они не столько хитрые, как скрытные, — а вдали уже послышалось гроыханье, звон металла, на стенах заблестели и задвигались блики красного огня.

Из-за дальнего поворота вышли два гнома с факела-

ми в руках, а следом Атарк, до предела солидный и важный.

Я задумался, как с ним обращаться: как сюзерен с вассалом или гном с гномом, решил что лучше всего как торговец с торговцем.

— Дорогой друг Атарк! — сказал я жизнерадостно. — Начались ли работы в недрах Опаловой?

Он подошел и крепко пожал мне руку, у меня даже пальцы слиплись, хотя напрягал изо всех сил, пробасил довольно, задрал голову:

— Это мы сразу... Как не проверить? И наружу выходили.

— Торговать пробовали? — спросил я.

Он покачал головой.

— Еще нет, но люди нам делать штольни уже не мешают, как раньше. Так что да, договор действует.

Я сказал быстро:

— Атарк, у меня будут большие заказы для всего племени гномов, так что наш общий расцвет еще впереди. А пока я хочу попросить тебя сделать мне хорошую кольчужку, какие вы иногда делаете для своих королей... Ну, чтоб ничем ее, даже арбалетной стрелой.

Он кивнул.

— Сделаем. Что-то еще?

Я вздохнул.

— Сам знаешь, был у меня когда-то молот, выкованный древними гномами. Теперь так делать не умеете. Я еще геммы для него добывал, помнишь? Чтоб летел далеко и рушил сильнее... Ностальгия у меня, понимаешь? Всякое оружие в моих руках с той поры побывало, а вот его забыть не могу. Скучаю, как по любимой женщине.

Он помрачнел, надулся.

— Секреты потеряны, ты прав. Вообще-то, думаю, при большом желании... очень большом!.. попробовать

бы можно... Самим интересно. Но надо собрать мудрецов, разыскать древние записи... Это столько будет работы, даже не представляю!

— Я сумел бы оплатить, — сказал я без всякой надежды. — Сейчас мои возможности весьма даже... И как не использовать ресурсы королевств для личного обогащения?

Он ответил неохотно:

— Попробуем. Ничего пока не обещаем. Но попробуем. Я ж грю, самим интересно...

— Все расходы оплачу, — напомнил я еще раз. — Если можно кольчужку как-то загномить, в смысле зачаровать по-гномы, то я как бы и совсем даже не против, еще как не против! Я паладин с настолько высокими и одухотворенными запросами, что на всякое колдовство внимания не обращаю, это ж вчерашний день, но пользуюсь, не совсем же дурак...

Глава 2

Когда я выбрался наверх, Зайчик с меланхоличным видом что-то жует, прислонившись боком к отвесной стене, хруст такой, словно работает мощная камнедробилка, от Бобика только толстый зад из ямы, откуда с бешеной скоростью вылетают твердые комья, а это вот само погружается в землю, словно тонет.

— Подъем, — скомандовал я. — Хватит мышек обижать!..

Бобик вылез, морда вся в песке и глине, вот уж землеройная собака, в глазах недоумение, почему это мышек нельзя гонять, они ж такие смешные...

Зайчик привычно подставил бок, я поднялся в седло и разобрал повод.

— Ну, кто быстрее в Савуази?

Они шли наравне, но за несколько миль до Савуази

я сбросил скорость до скачущего галопом обычного коня. На мой взгляд, ничего не изменилось, никакой войны не было, по всем дорогам точно так же тянутся в обе стороны телеги, идут нагруженные тюками кони, возницы переговариваются лениво либо дремлют.

Гиллеберд создал очень успешную систему, торговля процветает, несмотря на смену правления, все работает, как и прежде, кто в поле, кто на рудниках, кто в лесу. Но это еще ничего, меня больше радует, даже восторгает, что Савуази, где все должно быть пропитано духом и волей Гиллеберда, функционирует слаженно, даже королевский двор начал заполняться, как только пришла весть, что король убит, а это значит, все освобождены от клятвы верности прежнему правителю...

Савуази после нашего штурма отстроена полностью, вернее, отстроена и восстановлена стена, а дома внутри города так и остались целыми. Редко какая война проходит с таким минимальным ущербом для столицы и вообще экономики.

Стражи в городских воротах вытянулись при виде властелина королевства, я проехал мимо со спокойным и надменно-величавым видом. По дороге народ узнавал и кричал довольно, я вслушивался и не слышал страха или ненависти. Вообще-то простой народ редко чувствует разницу при смене королей, это вельможи весьма чувствительны, их такое касается иногда весьма заметно...

На площади появились передвижные лавки, торгуют пирогами, жареным мясом, пивом и вином. С той стороны высокий забор из стальных прутьев с острым концами, такие же металлические ворота, за ними роскошный сад из цветущих кустарников и клумбы с розами, а еще широкая выложенная плитами дорога к дворцу, что высится там вдали, огромный и величествен-

ный, поразивший меня как размерами, так и вычурной архитектурой еще в первый приезд.

Монументальность и легкость, умелый дизайн и практичность — такого не видел в прочих северных королевствах.

Вымуштрованная стража распахнула ворота королевского сада с такой быстротой, что мы могли бы пролететь, не сбавляя скорости, но это Бобик унесся вперед огромными прыжками, а мы с Зайчиком проехали достаточно неспешно, давая возможность всем встречающим утереть слюни и застегнуть ширинки.

У дворца на стук копыт развернулся статный рыцарь, в доспехах, но с непокрытой головой. На меня в упор взглянули очень светлые глаза, похожие на чистейший лед, укрывающий вершины гор.

Он заколебался: то ли преклонить колено, то ли, напротив, выпрямиться, он же на службе, а я сказал благожелательно:

— Сэр Ортенберг, сообщите членам Высшего Совета, что я прибыл. Пусть без особой спешки соберутся. Но опоздавшим будем рубить головы на площади и объяснять, за что именно.

Он чуть склонил голову.

— Все будет выполнено, ваша светлость.

На его губах на миг пробежала улыбка, мол, шутку и понял, и оценил в том смысле, что властелин благоклонен, у него все хорошо, а это значит — и в королевстве все хорошо.

Оставив Зайчика, я взбежал по широким ступеням вверх, в холле навстречу по-носорожьки ринулся Бальза, все такой же грузный, толстомордый, щеки на плечах, восемь подбородков на груди, однако толстые ноги натренированно опустили его на одно колено.

— Государь!

Я смерил его насмешливым взглядом.

— Помнится, — сказал я с легкой угрозой, — ты говорил, что всегда успеваешь? Говорил?.. Говорил... Так что успел за это время?

Он умоляюще простер ко мне руки.

— Государь, все сделано!

— А что? — спросил я.

— Все, — сказал он преданно. — Все-все!

— Ладно, — сказал я, — встань и трудись дальше как божья пчелка, хоть ты и похож больше на шмеля, что жужжит много, а меда не носит... Да, кстати! Встань и больше не преклоняй колена. Ты служащий, а не рыцарь. Не забывайся!

Он воскликнул с великой благодарностью:

— Слушаюсь, мой государь!

Насчет «государя» я промолчал, можно бы и поправить, но это уже совсем мелкие придирки, быть государем вовсе не значит — королем. Любой мелкий самостоятельный феодалчик уже государь в свои владениях, так что пусть, я в самом деле чуть было не стал настоящим государем, но все-таки удержался: хоть и дурак, но не настолько же.

Если по уму, то надо бы удержаться от загребывания и этой части Турнедо, да еще с Савуази, но тут уж так карта легла, что нельзя не взять, а теперь не знаю, как удержать это все, не по моим силам пока такая громада, хоть я и самый умный на свете и вообще красавец, но не понимаю, как всю эту громаду, расположенную по обе стороны Великого Хребта, удержать и не дать рухнуть в пучину гражданских войн.

На лестнице, что ведет на второй и прочие верхние этажи, среди стражи половина арбалетчиков, ну это и понятно, здесь начальник внутренней стражи Тэд, он же Эдвард, глава всего вспомогательного войска арбалетчиков и лучников.

Он сам, в кожаном панцире, как и все его люди,

только с тонкой золотой цепочкой на груди, встретил меня наверху лестницы, бодро выкрикнул:

— Ваша светлость, все спокойно!

— Пусть так и будет, — согласился я. — Но ты бди, Тэд, не расслабляйся.

Он заулыбался во весь рот, гордый, что его помнят, а я быстро поднялся еще на этаж; сверху сбегает встревоженный барон Саммерсет.

— Ваша светлость!

— Быстро отчет, — велел я в стремительном темпе. — Кто, как, где, когда, с кем и почему?.. Кто позволил?.. Почему не остановили?

Он ахнул, но ответил так же быстро:

— Вы позволили, сэръ Ричард!

— Почему отвечаете с конца? — спросил я с подозрением. — Рыльце в пушку? Что успели украсть? Или полкоролевства сожгли?

Он отшатнулся.

— Ваша милость! Да без вас мы вообще боялись взяться даже за холодную воду. Вот сидели сложа ручки и ждали, когда примчитесь и возопите: кто, как, где и все прочее, такое непонятственное здравому христианину... Вы христианин, сэръ Ричард?

— Не похож? — спросил я с угрозой.

Он замахал руками.

— Похож, еще как похож, даже смотреть страшно!.. Не мир я принес, как там сказано, а двуручный меч, а также саранчу и мух... или это где-то в другом месте? Знаете, моя голова давно перестала вмещать всякие там учения, но зато я исполнитель, сэръ Ричард! Все что угодно не исполню, только прикажите!

Я сказал неодобрительно:

— Все бы вам ха-ха. Как почуяли, что все уладилось?

Он сказал с широкой улыбкой:

— По вам видно, ваша светлость! От вас прям искры летят, как от наждачного камня.

— Эх, — сказал я с досадой, — снова потерял государственное выражение лица... Ничего, вот сяду на трон, всех вас заставлю маршировать и петь мне хвалу.

Мы поднялись к моему кабинету, двое слуг застыли неподвижно у двери, они и распахнули — прогресс, в прошлый раз это делали стражи, а сейчас стражи просто бдят и стерегут, не отвлекаясь на работу лакеев.

Я вошел в кабинет быстро и по-хозяйски, теперь это все мое, кивнул барону на кресло с краю от стола, но он оставался в почтительно согнутой позе, пока я не сел сам и не водрузил локти на край стола.

— Сейчас буду шкуры спускать, — предупредил я.

— Да, — ответил он, — а как же, конечно!

За дверью послышался топот, с разбега влетел лорд Вайтхолд, лицо его сразу вспыхнуло радостью.

— Ваша светлость!.. Ваша светлость?

Я успокаивающе помахал рукой.

— Раз уж вам выпала нелегкая доля побывать моим личным секретарем, то вам сесть не предлагаю, перебьетесь, не положено. Но как лорду Вайтхолду, указываю вот на кресло рядом с благородным сэром Саммерсетом. Садитесь и докладайте.

Он сел, но на меня смотрел умоляюще.

— Как... там?

Я успокаивающе помахал рукой.

— Лучше не придумать. Все прошло как нельзя... в смысле замечательно! Со стороны Варт Генца полные гарантии, они хотят остаться лучшими друзьями.

— Точно?

— Никуда не денутся! — заверил я. — Им теперь долго разбираться со своими проблемами. Дорогой сэр, все-таки вам придется приподнять свою задницу, раз уж вы не только лорд Вайтхолд, но и мой секретарь. Та-

щите все карты, какие у нас есть! И каких нет, тоже тащите. Раз на вас свалилось такая трудная, но почетная работа, надо поразбираться с нашим окружением.

Барон Саммерсет слушал молча, а Вайтхолд перепросил:

— С соседями Турнедо?

— А с кем еще? — удивился я. — Вас и так знаю. И вообще... прошло счастливое детство, когда меня интересовала только моя песочница, а потом замок и две деревни... Теперь, поди ты, размах — прям голова кружится, и десять тысяч курьеров спешат, спешат, зовут куда-то...

— Ваша светлость, — напомнил Вайтхолд, — все карты у вас в кабинете.

— Так достань и разверни, — велел я.

— Да боюсь, — сказал он, — вдруг вдарите! Вы ж теперь победитель самого Гиллеберда, а я в ваших вещах роюсь как свинья какая пернатая. Вдруг там что-то совсем уж непристойное, а вы забыли... Так и голову потерять можно. Лучше уж выглядеть дураком, чем чересчур умным.

Я хмыкнул, он аж дергается от нетерпения, щеки покраснелись, как у девицы, руки дрожат, пока раскатывает карту на всю столешницу и придавливает края чернильницей и кинжалами.

— Не слишком мелкая? — спросил он. — А то у вас масштабы растут...

— Хорошо бы сузить, — сказал я, — как советовал некий философ, но не знаю, как это сделать, чтобы лицо не потерять. Так что, ладно, остановимся на этом. Но больше ни пяди чужой земли!

— А своей?

— Не отдадим, — сказал я, — но и чужую не возьмем. Даже если будут догонять и в сумку пихать. Та-а-ак, вот это и есть отныне наше Турнедо, что уже вооб-

ще-то не Турнедо, но будем пока звать так из неловкости перед побежденными... Поверните ее вверх ногами, а то у меня север внизу, а юг вообще непонятно где.

Он спросил:

— Ваше светлость, а не проще зайти с той стороны стола?

Я покачал головой.

— А стороны света тоже поменяешь? Мне надо, чтобы север на карте совпадал с реальным, а то некоторые уже бурчат, что правую руку от левой не отличаю, как одна известная девочка... Давайте, сэр Вайтхолд, не ленись, война еще не окончена!

Он сказал с восторгом:

— Правда? Слава богу, а то я уже перепугался. Как жить без войны?

Я старался смотреть на карту и увязывать эти линии и черточки с тем, что видел, когда несся на Зайчике, преодолевая реки и огибая леса. Если поместить Турнедо в центр мира или хотя бы карты, то слева Шателлен, справа Бурнанды, на севере граничит с Варт Генцем прямо по центру, а справа и слева от Варт Генца, Скарлянды и Гиксия, что касаются Турнедо самыми краешками.

Но северные границы Турнедо меня не колышут — отошли к Варт Генцу, куда важнее южная граница, что отделяет от Армландии и Мезины, но с Армландией соприкасается достаточно широким фронтом, а с Мезиной полосой в два десятка миль.

Правда, с Армландией отныне никаких границ, свободное перемещение людей и товаров, а также свобода обмена информацией... это можно разрешить в первую очередь, раз уж запретить не могу, только подать как мудрую и человеколюбивую политику заботливого государя, направленную на благо простых людей.

— Надо провести ротацию кадров, — решил я глубоко-

комысленно. — Срочно вызывайте более-менее мобильных лордов из Армландии.

— Что им сказать?

— Укрепим, — объяснил я, — ими слабые места в этом пока что враждебном королевстве. Местных рыцарей нужно отправлять как можно больше через Тоннель в Сен-Мари. Там критическая ситуация, как вы знаете...

— Уже сделано, — ответил он гордо.

— Что, — удивился я, — вызвали армландцев?

Он несколько смутился.

— Нет, но наши такого нарасказывали о чудесах южного королевства на берегу бескрайнего океана, что местные рыцари, особенно безземельные и безлошадные, просто ночами не спали, пока не сбились в отряды! Два я уже отправил, а сегодня-завтра еще один...

— Сколько?

— Тысяча в первом, — отрапортовал он, верно поняв вопрос, — полторы во втором, а в третьем ожидается больше двух! И это только рыцари и тяжеловооруженные!.. Правда, из казны велел выдать им на снаряжение, надеялся, что вы будете не особенно против...

Я обнял его и расцеловал в щеки, хотя жутко не люблю это действие, но среди рыцарей оно почему-то в ходу. Видимо, усиленный знак христианской любви.

— Благодарю вас, сэра Вайтхолд! — сказал я с чувством. — Вы поступили совершенно правильно! Что казна! еще нагребем и попрыгаем в бассейн из золотых монет, а сейчас нужно удержаться самим и удержать то, что захапали. Да и как не хапать, когда само в руки приплыло?..

Он посмотрел пытливо, но смолчал: по их мнению, оно не совсем плыло, это я хитростью, коварством, изощренными переговорами и сталкиванием интересов вырвал из когтей более сильных львов самый лакомый кусок, а сейчас, конечно, можно подавать и так, если это соответствует политическому моменту.

Глава 3

Дверь приоткрылась, заглянул виконт Каспар Волсингейн, а за его плечом угадывается могучая фигура Клемента Фицджеральда.

— Ваша светлость, — проговорил сэр Клемент.

Я отозвался нетерпеливо:

— Да-да, звал! Заходите!

Они вошли несколько стесненно, я с досадой оставил карту и со всеми сердечно обнялся в старании развеять эту скованность,

— Ваша светлость, — сказал сэр Каспар, на лице блуждает радостная улыбка, — как съездились?

— Все уладил, — ответил я, — от короны отказался.

Они заулыбались шире, — понятно, лорд пошутил, — а я нетерпеливым жестом подогнал их к столу.

— Пир потом, потом!.. Какие-то соображения есть по поводу нового приобретения Армландии?

Сэр Клемент не понял, судя по его лицу, все наклонились к карте, а он все еще смотрел на меня весьма озадаченно.

— А что она... приобрела?

Виконт Каспар толкнул его в бок, сэр Клемент чуть смутился и со скрипом повернулся к столу с картой, но, судя по лицу, так и не понял.

Зато сэр Вайтхельм взглянул на него и сказал осторожно:

— Ваша светлость, уместный вопрос...

— Слушаю, — сказал я в нетерпении.

— Среди рыцарей, — проговорил он, — много спорят о вашем строжайшем приказе не препятствовать людям короля Барбароссы топтать землю Армландии...

Он умолк и выжидающе смотрел на меня.

— Верно, — подтвердил я бодро, в таких случаях надо демонстрировать полнейшую уверенность. — Такой приказ оглашен.

— Но люди короля Барбароссы, — сказал он тоже с уверенностью в голосе, — обязательно восхотят посетить отошедшие к их королевству территории этих разделенных земель...

Дверь приоткрылась, вошел барон Бальдфаст Бредли и тихонько присел у самого входа.

Все смотрят на меня очень внимательно. Я ощутил, что разговор назрел опасный, нужно пройти по лезвию ножа, не свалиться, но и не поранить ноги на тернистом пути государственного деятеля.

— И что вас беспокоит? — спросил я с подчеркнутой беспечностью и поиграл цветным шнурком на ножнах у рукояти меча.

— Фоссано, — проговорил сэра Вайтхолд с растущей твердостью в голосе. — Мы немало воевали с ними, отстаивая свои привилегии и особенности, сэра Ричард! С вами в качестве гроссграфа мы почти добились полной независимости, а тут вдруг такое... Сэра Ричард, нельзя отдавать такой кровью завоеванные права!

Я перевел дыхание, мысли мечутся, подыскивая выход, наконец я ухватился за яркую и очень трезвую мысль.

— Сэра Вайтхолд, Армландия меньше Фоссано насколько?

Он подумал, буркнул:

— На треть. Даже больше. А народу в Фоссано впятеро!

— Всего лишь? — спросил я и улыбнулся широко и свободно.

Они смотрят настороженно, но и с надеждой — я же не последний дурак, чтобы убиться о стену, когда положение начало улучшаться.

— На треть? — повторил я. — Ну что вы за дубы такие, пользуетесь давно устаревшими сведениями! И потому неверными.

— Ваша светлость? — сказал Вайтхолд обескураженно.

Я жестом велел заткнуться и продолжил:

— Вижу, не только наш неустрашимый и доблестнейший сэр Вайтхолд упустил некоторые подвижки в современной геополитической схеме. Мир меняется, как велел Господь, и меняется руками своих доблестных воинов. Кто не понял, указываю пальцем, сие есть мы, свершители божьей воли, так что кто тут против нас?

Сэр Вайтхолд сказал осторожненько:

— Ваша светлость, я смутно начинаю улавливать, что мир меняется в нашу пользу... раз уж это мы его меняем. Не совсем уж мы эти, чтоб менять в чужую!.. Но все-таки как бы это...

— Абисняю, — прервал я, — вернее, напоминаю то, что и сами знаете, но не делаете выводов. Теперь Армландия больше Фоссано в разы! С юга у нее за Великим Хребтом — Сен-Мари, а с севера — две трети Турнедо с ее мощной экономикой, могучей военной машиной, которую не разрушили поражения, а остановилась она только из-за смерти Гиллеберда, но может быть снова запущена в любой момент... Еще чего-то не поняли?

Я видел, что еще не поняли, но мой уверенный и жизнерадостный голос поколебал их, потом заставил задуматься, а когда сообразили, что Армландия может пользоваться ресурсами огромного и богатого Сен-Мари, а также Турнедо как людскими, так и материальными, на их медленно светлеющих лицах начали появляться неуверенные улыбки.

Первым смущенно пробормотал виконт Каспар:

— Я как-то не подумал...

Клемент бухнул, как бросил валун в озеро:

— Сэр Ричард намекнул, что Армландия уже может не бояться Фоссано?

— Уже никого может не бояться, — сказал Бредли,

шегольнув быстроумием. — Мы граничим с Мезиной справа и самым краешком — с герцогством Ламбертиния. Мезина нас и раньше не тревожила, а герцогство вообще замкнулось в своем мире... Сэр Ричард давно увидел то, что мы с трудом соображаем только сейчас.

Они улыбались мне, я улыбался им, делая вид, что да, я мудр и давно это знал, хотя эта мысль пришла в голову минуту назад. А ведь в самом деле, с таким перевесом уже хвост может вилять собакой.

— Начинаем вводить некие прогрессивные новшества, — сказал я. — Сейчас вот велю направить нужных людей в города и деревни, пусть присягу мне дает всяк сущий в них язык.

Сэр Вайтхолд переспросил немножко обалдело:

— Это как?

— Все, — пояснил я, — кроме детей и женщин, а люди — все без исключения.

— Знатные и незнатные? — уточнил он.

— А также богатые и бедные, — подтвердил я. — Я демократ или не демократ? Господь сказал: все равны, вот пусть все и приносят!

Рыцари умолкли, а сэр Вайтхолд, выражая общие чувства, скривился, как от горькой редьки.

— Ваша светлость, — спросил он, — а надо ли? Ну какой толк от мелких земляных червей в их глухих деревнях? Пусть приносят присягу своему лорду, вы должны быть выше!.. Вам присягают сами лорды! Разве этого недостаточно?

Я посмотрел на него внимательно:

— Сэр Вайтхолд, ваши советы становятся чересчур настойчивыми! Вам не кажется?

Он заметно смутился, отступил и развел руками.

— Ваша светлость, вы же знаете, как я вам предан!

— Рассчитываю на это, — ответил я дипломатично. — В общем, задача вам ясна?

— Все выполню, — ответил он. — Разрешите выполнять?

Я сделал небрежный жест одними кончиками пальцев.

— Да, все свободны.

Они по-военному быстро поднялись и вышли, сэр Вайтхолд пошел было с ними, я сказал резко:

— Сэр Вайтхолд, а вы куда? Рабочий день еще не кончился!

Он обернулся, губы искривились в усмешке.

— А у вас он когда-то заканчивается?

— У вас тоже безразмерный, — заметил я.

Я навис над картой и всматривался в очертания рек и дорог, он некоторое время молчал, я видел краем глаза недоумение на его лице; наконец он поинтересовался:

— А как начет северных территорий?

— А что с ними? — спросил я.

Он кивнул на карту.

— Вы расчертили земли королевства на четыре части, но только у Найтингейла прямой доступ к его куску пирога. Барбароссе надо ходить через Армландию, а мы весьма настороженно смотрим на короля соседнего королевства... он для нас король-сосед, а не сюзерен!.. а у Варт Генца свои трудности...

— Какие же? — полюбопытствовал я.

— Почти половину тех земель, — объяснил он, — что отошли нашим верным союзникам, занимают владения семьи Лихтенштейнов. Помните, вы видели и даже общались с доверенным лордом герцога Кристофера Ярдшинского, его преданным вассалом Зигмундом Лихтенштейном, что руководил последней атакой на Савуази?

— Помню, — обронил я.

— С ним были его братья, — сказал он, — дяди, а также вассалы. Вы еще сказали, что слоны, а не люди...

Я прервал:

— Короче, барон. В чем там трудности?

Он развел руками.

— Семья Лихтенштейнов не желает попадать под власть Варт Генца! А у них, надо сказать, очень мощные крепости, Гиллеберд сам их проектировал и строил, чтобы там могли разместиться войска и выдерживать долгие осады.

— Это нормально, — прервал я снова, — на границах все строят не просто замки, а крепости. И что за споры? Варт Генц мог бы пообещать какие-то льготы...

Он тяжело вздохнул.

— Варт Генц ослеплен ролью победителя! Потому никаких уступок. Кроме того, все и так обижены, что вам досталось две трети Турнедо, а им — всего клочок. Да и тот, оказывается, отстаивает независимость!

Я сказал сердито:

— Сэр Вайтхолд, разве это наши трудности? Давайте все-таки посмотреть, что у нас где горит, а если нет, то где загореться может!.. Или где попытаются поджечь. Вы слышали про поджигателей войны?

Он начал загибать пальцы.

— Если начинать с любимой вами экономики, то здесь все неплохо, почти все работает. Мы ухитрились захватить страну, почти ничего не нарушив и не ломав...

— Это не наша заслуга, — прервал я, — Гиллеберд выстроил самовосстанавливающуюся систему. И саморегулируемую. Что там дальше?

Тень неудовольствия промелькнула на его лице.

— С политикой, — продолжил он, — еще проще. Врагов фактически нет. По крайней мере очень уж явных.

Я смотрел, как он покрутил оставшиеся три пальца и убрал их в кулак.

— И все?

— Ваша светлость, — возразил он. — Если и есть какие-то мелочи...

— Как обстоят дела с экологией? — прервал я. — С охраной окружающей среды? Меня интересуют природоохранные парки, сколько их в королевстве, насколько опасны, что нужно сделать?

Он просиял.

— О, ваша светлость, не волнуйтесь, их много! Синее Болото, Зыбучие Пески Дарна, Гиблый Лес, Проклятая Долина Скелетов... Это самые обширные, а есть еще всякие зачарованные места, их множество, и почти везде от смельчаков остаются одни кости!.. А кое-где и костей даже не находят. Взять, говорите, под охрану?

Я отмахнулся.

— Их слава сама их защищает. Ничего, дойдут руки и до них. Мой билль о свободном передвижении эльфов распространили?

— Да, ваша светлость! Во всех городах, селах и деревнях герольды прокричали. И что за препятствия, обиды и притеснения эльфам будете спрашивать строго.

— Хорошо, — сказал я. — Проследите, чтобы точно такие же права были и у наших союзников гномов.

— Они обнародованы!

— Значит, — сказал я, — пусть глашатаи прокричат громче. А то в города гномы пока заходить не решаются.

— Осторожничают...

— Может, не зря?

Он сказал с неудовольствием:

— Турнедцы очень дисциплинированы. Если закон обнародован — он выполняется.

— Ну, — сказал я, — гномы могут не знать, чем отличаются турнедцы от вартгенцев. Просто повторите мой приказ по всем городам и деревням.

Глава 4

Я быстро придумывал указы, оформлял во внятные слова, подписывал и передвигал на другой конец стола, а сэр Вайтхолд время от времени появлялся в кабинете, собирал и пропадал совершенно бесшумно.

В какой-то момент он не возник у стола, а смиренно застыл у двери. Я вздернул голову и посмотрел на него довольно бессмысленно — я же сейчас указоиздатель.

— Сэр Вайтхолд?

Он поклонился.

— Ваша светлость, к вам просится аббат какого-то монастыря. Или глава какой-то гильдии... я не расслышал, простите. Но мне показалось или вовсе почудилось, он хочет и готов сказать что-то важное.

Выглядел он смущенным, никогда таким не видел, даже лицо пошло красными пятнами, не может себе простить, что из головы вот так вдруг вылетело имя просителя, и — стыд какой! — даже забыл, представляет тот монастырь или гильдию работников.

Я насторожился — для цепкого сэра Вайтхольда такое нехарактерно, но ответил очень любезно:

— Хорошо, сделаем небольшой перерыв. Впустите его, а сами подождите за дверью.

Он поклонился.

— Ваша светлость...

— Сэр Вайтхолд, — ответил я.

Он вышел, оставив дверь открытой, а через порог скромно переступил мужчина в темной одежде, шляпа в руках, тут же коротко поклонился.

— Ваша светлость, — произнес он с расстановкой, — я аббат монастыря имени блаженного Агнозия.

Дверь за ним закрылась, но мне показалось, что сэр Вайтхолд к ней прикоснуться не успел.

Я молчал, всматриваясь в это лицо умного и пронзительного человека: глаза смотрят прямо, в них живой

блеск, вертикальные складки над переносицей, чуть сдвинутые брови, взгляд острый, не просто смотрит, но и рассматривает, что в этом кабинете непривычно — рассматривать могу только я.

— Блаженного Агнозия? — переспросил я. — Величие и сила нашей церкви в том, что у нее очень много святых, учеников, героев и подвижников. Настолько, что простой воин вроде меня не в состоянии запомнить всех...

Он поклонился.

— Слова мудрости, ваша светлость. Тем более приметные, что мы взяли покровителем вовсе не одного из отцов церкви, как делают многие, ибо под сиянием великого имени проще процветать, а вот под покровительством блаженного Агнозия все зависит только от нашей деятельности.

— И чем отличаетесь вы, — спросил я настойчиво, — от основной массы монахов и монастырей?

Он смотрел в мое лицо с прежним благожелательным вниманием, но я ощутил в нем растущее напряжение, наконец-то прозвучал вопрос, который решит, как сложатся наши отношения дальше.

— Наш патрон увлекался механикой, — сообщил аббат, — Той, старой.

Я помолчал, потом поинтересовался осторожно:

— Но разве церковь не запрещает все, что относится к временам до Великих Войн Магов?

Он покачал головой.

— И до войн люди ходили на двух ногах, ели, пили, разговаривали, учились читать и писать... Нельзя запретить все. Устав нашего ордена согласован с Ватиканом практически во всем...

— Практически?

Он кивнул.

— Да. За исключением отношения к простейшей технике. Колдовство, магию и любую волшбу мы от-

вергаем как занятие нечестивое и противное господу. Однако простейшую механику, облегчающую жизнь, мы приветствуем и стараемся внедрять в нашу повседневную жизнь.

Я спросил в упор:

— Тогда чем отличаетесь от цистерианцев? Они просто помешаны на механике!

— Они признают только ту, — ответил он смиренно, но с той гордостью, что уже гордыня, — которую понимают, которую придумали сами и которой могут научить неграмотных крестьян. А те могут научить ей других таких же простых и весьма нелюбопытных. Мы же признаем и ту, принципы которой пока не понимаем.

Я вздрогнул.

— Ого! Это же использование запрещенных церковью вещей!

— Ваша светлость, — произнес он вежливо, но я чувствовал твердость в мягком голосе, — наше понимание в этих вещах чуть шире. Если нет магии, если не наносит ущерба церкви и человеку, то это можно использовать, одновременно стараясь понять, как это работает, чтоб сделать понятным даже цистерианцам.

В его вежливом голосе слышалось тщательно скрываемое презрение к братьям по вере, что напрасно ограничивают себя такими запретами.

— Так-так, — проговорил я нерешительно, — устав вашего монастыря любопытен... но не граничит ли это с запрещаемой ересью? Или, скажем прямо, не ересь ли это?

Он ответил уклончиво:

— Ваша светлость, вы явно просвещенный человек, это чувствуется даже в построении вашей речи. Возможно, вы слышали, как некоторые еретические мысли и даже учения со временем канонизировались и становились официальной политикой церкви? К счастью,

позиция Ватикана подвижна и может меняться, что она с успехом и демонстрировала на протяжении веков в вящей славе церкви...

Сердце мое стучит часто, я сейчас тоже близок к проступку, но заставил себя кое-как успокоиться и спросил почти деловым тоном:

— Значит... механики?

Левый уголок его рта чуть дернулся, но это не раздражение, как я понял, а подобие улыбки.

— Уместное уточнение, — заметил он. — Особые и весьма искусные механики. Для особых людей.

Я повел рукой в сторону кресла в двух шагах от меня.

— Присядьте сэр... сэр?

— Просто аббат Дитер, — ответил он спокойно. — Да, аббат Дитер.

Я смотрел, как он садится, легко и без подобострастия, как человек, скажем, церкви, что не видит разницы между нищим и королем. Но только это явно не той церкви, как ее видят из Ватикана. Очень даже не той.

Он тоже смотрел на меня изучающе, глаза стали холодными и немигающими, внезапно привычно круглые зрачки стали вертикальными щелочками, как у отвратительных змей и кошек.

Я не вздрогнул, но явно что-то изменилось в моем лице — он сказал чуточку виновато:

— Ваша светлость, простите...

— Как вы это делаете?

Он снова улыбнулся лишь уголком рта.

— Я не могу так, как вы делаете, не меняясь...

Я спросил настороженно:

— О чем вы?

— Об умении видеть тепло, — объяснил он. — Иногда очень полезно, не так ли?

— Полезно, — пробормотал я, — только я не думал, что по мне это видно.

Он выставил перед собой ладони.

— Ваша светлость, таким умением обладают только в нашем монастыре. Да и то немногие из иерархов. Они вас заметили здесь еще в ваш первый визит... Помните, рядом с Гиллебердом сидел человек в сутане? С того дня следили за вашими действиями... и особенно восхищены, как вы провели захват королевства, мудро и красиво!

Я пробормотал:

— Польщен. Но что именно вы считаете мудрым и красивым?

— Не сражения на мечах, — ответил он ровным голосом, — это для простых. Вы договорились о помощи с эльфами и гномами, это привело нас в восторг!

— Ничего особенного, — ответил я нехотя, — когда тонешь, и за гадюку схватишься. А эльфы и гномы могут пригодиться и в развитии народного хозяйства.

Он вскинул брови, некоторое время смотрел с недоверием.

— Вы всерьез? Не планируете их обмануть?

— А зачем? — спросил я. — Дружить выгоднее.

Некоторое время он смотрел пристально, я чувствовал, как давление на меня растет, рассердился и мысленно отшвырнул это вот, и аббат заметно дернулся, по лицу пробежала короткая судорога, но тут же улыбнулся и сказал почти тепло:

— Это истина, ваша светлость, но говорить ее некому.

— Согласен, — буркнул я. — И с чем вы... пришли?

Он снова уставился в меня немигающе змеиными глазами, на этот раз ощупывающее присутствие почти не ощущалось, и я не стал обращать внимания, все равно я в силу происхождения иммунен к местной чертовщине.

— С предложением сотрудничества, — сказал он и торопливо добавил, — мы понимаем, короли требуют

полного повиновения, и при них есть свои маги... однако, ваша светлость, вы же понимаете, придворные маги почти ничего не стоят!

Я кивнул.

— И что?

— Мы можем вам дать то, — сказал он, — чего не дадут войска, захваченные земли, готовые на все услуги женщины знатных семей, накопленное или взятое с бою богатство...

— Конкретнее, — предложил я.

Он сдержанно улыбнулся.

— Вот за эту деловитость и хватку вы нам нравитесь особо! Я как аббат монастыря блаженного Агнозия уполномочен всей братией заключать договоры...

— Кровью расписываться не надо? — спросил я шутливо.

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость, мы в самом деле... монахи. Хотя наш устав и не подписан папой римским. Но и не отвергнут! Пока лишь на рассмотрении.

Я порывлся в памяти, пожал плечами.

— Как относитесь к власти?

Он кивнул.

— Очень уместный вопрос. Все налоги Ватикану платим своевременно, а от повинностей в королевскую казну освобождены, как все прочие монастыри и церкви. Только по нашему уставу в наш монастырь никто из мирян не допускается.

Я ощутил подтекст, спросил, не сводя с него взгляда:

— А если прибудет легат из Ватикана?

Он понимающе улыбнулся.

— Ему покажут... все.

Небольшая заминка в речи подсказала недостающее, я спросил полуутвердительно:

— Однако в преддверии таких высоких гостей всех монстров уберут? И коридоры почистят? Вымоют?

Его вертикальные зрачки на миг вспыхнули красным и тут же снова превратились в щелочки, за которыми просматривается черный космос.

— Ваша светлость, — проговорил он сдержанно, подчеркивая каждое слово, — вы очень... очень пронизательны.

— В чем вы нуждаетесь? — спросил я. — Как правитель я должен заботиться обо всех. И помогать процветанию.

Он скорбно вздохнул.

— В монастырях монахи работают сами. Но у нас они и так заняты... очень. Однако есть ряд дел, которые могли бы выполнять простые люди. Например, нам нужно вырыть в одном месте очень глубокий колодец. Я не могу сказать даже, какая будет глубина, однако нашим монахам пришлось бы рыть сотню лет. Если же нанять простых людей...

— Так наймите, — прервал я.

Он развел руками.

— К сожалению, есть места, куда простые люди ни ногой. Деньгами не заманить, можно только заставить. Могу признаться, ваша светлость, с королем Гиллебердом в большинстве случаев взаимопонимание мы находили.

— Догадываюсь, — сказал я холодно.

Он снова развел руками, на левой половинке лица все та же полуизвиняющаяся улыбка, но глаза предельно серьезные, только в некоторые моменты в них появляется насмешливое выражение, но я вижу, что не в мой адрес, а вроде бы по поводу ситуации.

— Простите, ваша светлость, ситуация деликатная...

— Двух монстров в непробиваемой броне, — сказал я, — что выше меня ростом, это вы ему удружили?

Он помолчал, колеблясь, затем сказал нерешительно:

— Такие соглашения не разглашаются, пусть даже Гиллеберд уже и в другом мире... но... куда они пропали?

— Это я их пропал, — ответил я небрежно. — Встречный пал, так сказать. Да, понимаю. Но мне сейчас защитные средства не так уж и. Ну, вы поняли. Хотя хотелось бы видеть весь ваш ассортимент.

Он сдержанно улыбнулся.

— Как вы понимаете, ваша светлость, этого сделать ну никак. Однако если скажете, в чем нуждаетесь особенно сильно, я мог бы со всей тщательностью просмотреть на этот предмет как наши закрома, так и неоконченные пока что исследования.

Я подумал, спросил:

— Как насчет счастья всем людям на свете?

Он улыбнулся.

— Все шутите...

— Я серьезно, — ответил я. — Представляете, если бы его дал всем я? Но я не отказался бы и от помельче задач. Например, перебить все болезни...

Он ответил ровным голосом:

— Лечить мы можем. От любой болезни. Но не саму болезнь.

— Ну вот, — сказал я со скукой в голосе, — а я знал людей, что убивали и болезни. Наповал! Чуму, холеру, туберкулез, проказу, подагру, гангрену...

Он проговорил серьезно:

— Мы догадываемся, что вы явились из очень далеких стран, где знают и умеют больше. Но мы можем предложить вам, скажем... более быстрый способ путешествий. Полагаем, что с вашей быстро разрастающейся империей это актуально...

Я сказал четко:

— Я всего лишь гроссфюрст!

— Вы слишком быстро возразили, — заметил он тем

же ровным голосом. — И чуть громче, чем надо. Это говорит о многом. Даже если вы сами еще об этом не думаете... хотя, я уверен, подумывали. Потому вам нужен быстрый способ перемещения...

— Насколько быстрый? — поинтересовался я.

— Мгновенный, — ответил он, я дернулся, он поспешно уточнил: — Конечно, не куда угодно. Сперва придется установить в месте, куда будете прыгать, особые знаки и символы веры...

— Как долго? — спросил я. — Насколько трудно?

Он наблюдал за моим лицом неотрывно, и, даже если бы я пытался очень сильно скрыть свои чувства, вряд ли мне это удалось бы.

— Ровно столько, — объяснил он, — сколько понадобится на дорогу двум-трем тяжело нагруженным телегам, плюс один-два дня на установку.

Мне показалось, что этот аббат даже говорит больше как инженер, чем служитель культа, деловитый такой тон, уверенный голос.

— Меня это заинтересовало, — сказал я. — Хотя мой конь весьма даже...

— У вас не конь, — ответил он спокойно, — или не совсем конь. В наших старых книгах есть описание этих существ. Только они с рогом посреди лба и черными крыльями.

— Даже с крыльями? — спросил я пораженно. — Нет, крыльев уже не было...

— А от рога вы избавили? — спросил он. — Нет-нет, это не наше дело. Все равно наш способ проще... для вас. Хоть и намного затратнее. Простому человеку он не по карману, но государю...

Я поинтересовался:

— А Гиллеберд пользовался?

Он покачал головой.

— Если бы он мог... наверное, достиг бы большего.

К сожалению, его возраст не позволял пользоваться таким мощным заклятием. Говорю «к сожалению», потому что он всегда шел нам навстречу. Торговался просто невероятно, но сходились мы с ним всегда, потому что он был любопытен и даже... любознателен.

Я кивнул.

— Давайте конкретнее. Если бы я восхотел этот мгновенный способ перемещения... хотя уже сказал, мне он не так уж и нужен при таком коне... то что вы хотели бы взамен?

— Колодец, — сказал он сразу же. — Нам он просто необходим. Вы пришлете людей, заставите рыть... а мы тут же установим здесь у вас необходимое... оборудование. А вторую часть заклинания, хотя это вовсе не заклинание, отправим в то место, куда укажете.

— Любое?

Он улыбнулся, покачал головой.

— Оно должно быть достижимым.

— В теории?

Его улыбка стала шире.

— С вами интересно общаться, ваша светлость. Нет, достижимым для нашего обоза. Груз придется везти на двух телегах.

Я подумал, кивнул.

— Хорошо, я человек практичный. Это раньше бы... а сейчас у меня нет несбыточных метаний. Мне весьма пригодилась бы такая штука в моем дворце в Геннегау. Боюсь, перемещаться придется часто.

— Это дорого, — предупредил он сухо. — Лучше только в случае крайней необходимости.

— Насколько дорого?

— Дело не в деньгах, — ответил он. — Как раз рабочие, что будут копать, и обеспечат колдовской мощью. Чем глубже проруют, тем ближе окажутся к источникам.

— Грубовато, — заметил я. — А от звезд брать не пробовали? Там энергии больше.

Он посмотрел на меня исподлобья.

— И это знаете?.. Гм... со звезд тоже можно, знать бы как... Из-под земли грубо, все верно, зато надежно.

— Хорошо, — сказал я. — Мне кажется, есть смысл попробовать. Давайте уточним делали...

Торговались мы долго, я потом только понял, как он ловко забросил сладкого жирного червячка, на которого я клюнул, а потом начал подсекать, то есть сообщил, что рабочих понадобится несколько сотен, что колодец будет не просто колодец, а котлован, из которого землю придется поднимать на веревках в корзинах, а также на спинах носильщиков.

Я уж начал было колебаться, а стоит ли затевать, все-таки Зайчик в состоянии промчаться из конца в конец любого королевства за считанные часы, однако аббат умело напомнил, что так я могу появляться тайно, все будут видеть моего коня на конюшне, а пса на кухне, никто не заподозрит, что я отсутствую, а я тем временем уже за сотни миль вершу дела государства.

Что я буду делать, появляясь тайно, я сам не знал, но перспектива почему-то показалась соблазнительной. Он смотрит с затаенной улыбкой, словно мои мысли для него — открытая книга; наконец я сказал с тяжелым сердцем:

— Вы совсем выкручиваете мне руки, дорогой аббат!.. К счастью, военные действия закончились...

Он кивнул.

— Мы это учили.

— Свободных рук прибавилось, — сказал я, — только потому и смогу, наверное, послать пешие войска на рытье котлована, объяснив стратегической необходимостью, мол, важно для обороны любимого отечества.

— Там не помешает охрана, — заметил он.

— Могу даже приплачивать, — сказал я, — не люблю использовать административный ресурс... хотя все равно платить буду из казны, так что ладно, не так жалко.

Он поднялся, поклонился, явно повеселел:

— Тогда мы договорились, ваша светлость! Я сегодня же прикажу привести части необходимой... механики.

Глава 5

Хорошо быть виконтом Рульфом или даже Каспаром, оба ходят довольные, как два молодых гусака, весело гогочут, клюют других гусей и щипают гусынь. Я поинтересовался, что их воодушевило — прирост добычи железной руды в шахтах Нешера или же прогноз на высокий урожай пшеницы в северных областях.

Рульф ответил счастливо:

— Какая руда, какая пшеница! Вы не поверите, ваша светлость, в ваш дворец начали стягиваться уже не только знатные мужи, но и дамы!.. Да какие, просто глаз не оторвать!

— А они чего? — спросил я.

Он посмотрел с укором.

— Ваша светлость!

— Ну не знаю, — сказал я сварливо. — Знатные мужи не прочь подхватить что-то падающее с нашего стола, а они что?

— Тоже подхватить, — ответил за Рульфа виконт Каспар. — Им подхватывать еще легче!.. Только ноги раздвинуть, только и делов. Чем шире, тем лучше. Платье как парус, все поймает!.. А нам, в штанах, напротив, надо ноги сдвигать, чтобы поймать, потому женщины в таких делах успешнее...

Я поморщился.

— Философ. Так бы рассуждали о судьбах нации!

— А... что такое... нация?

Я безнадежно отмахнулся.

— Эх, лучше говорите о бабах.

Да что там молодые Рульф и Каспар, даже серьезнейший сэр Геллермин, от которого никак не жду легкомыслия, и тот в последнее время взбодрился, выпятил грудь и до треска в суставах раздвигает плечи.

— Ваша светлость, — сказал он серьезно, — пожалуй, я мог бы и пустить в этих местах корни. Женщины в этих землях с округлостями, мягкие, всегда улыбаются, услужливые, а наши в Армландии могут и в морду дать!..

Рульф сказал со вздохом:

— Я тоже заметил такое... Из-за чего чувствую себя предателем Армландии.

Я сказал предостерегающе:

— Сэр Геллермин, никаких баб'с!.. Берите пример с меня. У меня обет, так сказать. Частичный целибат.

— Это... как?

— Строгий, — пояснил я, — ограниченный, ничего лишнего!.. Только по самой необходимости, а то кем мы станем? Точно не героями-сокрушителями.

Он вздохнул.

— Ну да, это конечно... но такие женщины...

Я сказал непреклонно:

— Разве мы закончили и уже отдыхаем? Да работы еще невпроворот! Не забывайте, Турнедо разделено только на бумаге.

— Ваша светлость?

— Пора встретить, — пояснил я, — наступающие войска наших союзников. Это ж мы прошли фуксом, как хитрые зайчики, тайными тропами в сердце королевства, а Барбаросса и Найтингейл ломались через мощнейшую группировку северной армии Гиллеберда! Она же вторглась в Армландию, используя многократный численный перевес!

Сэр Геллермин сказал обидчиво:

— Так у Барбароссы и войск поболее, чем у нас. И Найтингейл что-то да делает, он человек добросовестный, все обязательства выполнит. Так что, сэр Ричард, не надо нашу блистательнейшую победу так уж принижать!

— Это он, — предположил виконт Рульф, — чтоб не сглазили.

— Суеверие христианину не к лицу, — заметил сэр Вайтхолд. — Сэру Ричарду должно быть стыдно!

Я сказал горестно:

— Так стыдно, что прямо сейчас на коня. Или подведите там внизу к окну, я прыгну через него в седло.

Вайтхолд посмотрел на окно, на меня, снова на окно.

— Но... как?

Я сказал с грустью:

— Да, эпоха больших окон еще не пришла.

Внизу во дворе строгие голоса, бдительный сэр Ортенберг проверяет, что это за две повозки привезли непонятное из монастыря блаженного Агнозия. Выгружать начали под охраной, а также, как я понимаю, будет еще проверка со стороны бдительного Теда, охраняющего эту часть дворца, где мои покои.

Я понаблюдал сверху, как вытаскивают странные каменные колеса, — чудными делами занимаются в монастыре монахов-механиков, что, конечно, не совсем монахи, во всяком случае, Ватикан вряд ли про них что-то решит в ближайшее время.

Под той же бдительной охраной занесли наверх и начали снимать доски пола, а также долбить стену в кабинете. Я сказал всем, что, раз это помещение теперь мое, я не хочу, чтобы его называли гиллебердовым, а то даже сам так иногда зову, потому вот небольшой ремонт, пол перестелем, стены чуть поправим и новые гобелены повесим...

В тот же день такая же разобранная на части установка направилась в дальний путь: две недели на дос-

тавку груза из монастыря через все Турнедо, затем Армландию, Тоннель, по королевству Сен-Мари к городу Геннегау. Обычно на такую дорогу требуется два месяца, но монахи не сомневаются, что я пришлю людей на рытье котлована немедленно, потому постараются доставить ценный груз как можно быстрее.

— Я дам охрану, — пообещал я. — И вообще любую помощь в перевозке!

Аббат Дитер тонко улыбнулся.

— Ваша светлость, если ваша охрана способна передвигаться с такой скоростью, как наши тяжелогруженные телеги, мы будем рады любой помощи!

Я нахмурился.

— Увы... Моя охрана скачет без всяких штучек. Но вам в самом деле ничего не грозит в дороге?

— Грозит многое, — ответил он, — но мы справимся. Ваша милость, напасть могут только простые грабители!

Он сказал с таким пренебрежением, что я сразу понял: от грабителей останется разве что пепел на ветру.

Победителю сходит с рук если не все, то очень многое. Я распорядился послать две тысячи человек на рытье котлована, объяснив это мерами укрепления обороноспособности королевства, одновременно отправил туда обоз с продовольствием, вино и выделил на оплату солидную сумму.

Мелькнула мысль, что вообще-то я свинья. Если кто-то на троне тут же начинает грести под себя баб и менять фавориток чаще, чем перчатки, то я все равно не лучше, если посылаю тысячи человек работать на себя лично. Может быть, фаворитки обошлись бы казне дешевле!

С другой стороны, все-таки делаю это не для того, чтобы прыгать по бабам или воровать бриллианты. Этому огромному и весьма нелепому образованию, в котором и южное королевство Сен-Мари, и северные

земли Турнедо, остро нужны коммуникации, связи, постоянный обмен товарами, людьми, идеями, только тогда удастся удержать от центробежных стремлений.

Когда плотники настелили новый пол над мозаикой из камней, покрытых рунными символами, а на стене повесили роскошный гобелен, закрывающий еще один камень неизвестной породы, мастер Дитер попросился ко мне на прием снова; я работал в соседней комнате и терпеливо переносил весь этот строительный шум и грохот.

— Ваша светлость, — произнес он с удовлетворением, — установка закончена. Позвольте показать?

— Позволяю, — ответил я. — Идемте.

Кабинет выглядит почти так же, только отмыт и вычищен до блеска, пол застелен роскошным ковром, а на стене большой гобелен с суровыми сценами благородной мужской охоты на свирепого вепря.

Мастер Дитер протянул руку и указал пальцем на пол с таким уверенным видом, что я почти увидел светящуюся указку в виде луча.

— Как вам вот та многолучевая звезда в центре ковра?

— Эклектика, — ответил я. — Смещение стилей. Я бы сделал попроще.

Он кивнул.

— У вас есть чувство вкуса. Но, увы, это не узор, как вы догадываетесь.

— Да уж, понимаю...

— Там и встанете, — пояснил он. — Точность нужна не слишком, просто не выходите за пределы ковра.

— Когда могу пользоваться? — спросил я.

— Как только соберут такую же на другом конце маршрута, — ответил он. — Через две недели будет на месте.

— Я ее встречу там, — пообещал я.

Он поклонился, продолжая рассматривать меня уже откровенно пристально и бесцеремонно.

— Ваша светлость... мне почему-то кажется, вы не новичок в общении с некоторыми как бы магическими штуками...

Он сделал некоторое ударение на слове «магическими», я понял и сказал мирно:

— Которые вы вовсе не считаете магическими, верно?

Он скупо улыбнулся.

— Как и вы.

Я пожал плечами.

— Работа механики высшего класса, что уже и не механика, неотличима от колдовства, верно?

Он хитро прищурился.

— Очень точно. Потому вам не нужно выучивать сложные заклинания. Просто станете на звезду и скажете: «Пуск».

— Только и всего? — спросил я

— Да.

— Но как же... это слишком просто!

Он покачал головой.

— Вы так думаете?

— А если кто-то подсмолит и тоже...

Он ответил с усмешкой:

— Ничего не произойдет.

— Почему?

— Уже настроено только на вас, — ответил он загадочно. — А как... нужны ли вам долгие и скучные объяснения?

Я подумал, махнул рукой.

— Нет. Тем более что даже ваши будут основаны на догадках, не обижайтесь, далеких от истины. Хорошо, матер Дитер! Рабочих я уже послал к вашему монастырю.

Он поклонился.

— Их размещают рядом с местом работы. Пока что

строят бараки для жилья, кузницу, кухню, а копать начнут, когда будут обеспечены всем необходимым для жизни и отдыха.

— Спасибо, мастер Дитер!

— Не за что. Мы тоже заботимся о тех, от кого зависит наше благополучие.

Мне почему-то кажется, что жизнь во дворце закипает, когда я прибываю и начинаю наводить шорох, а в остальное время все как бы замирает, что не есть хорошо. Спасибо Гиллеберду, выстроил такую систему, что все колеса крутятся, но все равно нужно в них разобраться, чтобы в случае сбоя сразу же поправить, а не бегать с воплями и не рвать на себе волосы.

Во дворце что-то совсем уж маловато моих армландцев, все-таки им доверяю больше. Впрочем, турнедцы тоже работают как муравьи-фуска, которые не обращают внимания, что их царицу убили пришельцы и теперь в царской камере поселилась другая вообще другого вида и цвета, все равно трудятся и носят ей корм.

По ночам меня начали тревожить недобрые сны, чего раньше не случалось уже давно, обычно сплю как бревно, хорошо хоть пока мальчики кровавые не снятся, но все равно, разделавшись с самыми срочными делами, собрал армландцев на короткий пир перед отъездом.

— Лорды, — сказал я громко и поднял кубок с вином, — давайте отметим успешное окончание войны! Она победная, да, можем гордиться. Но победу нужно еще удержать!

Барон Саммерсет, как представитель наиболее родовой армландской знати, поднялся на другой стороне стола и красивым жестом вскинул кубок выше головы.

— Ваша светлость, — сказал он преданно, — вы вер-

нули Армландии честь и достоинство! Мы пойдем за вами всюду в победах и поражениях, в бедах и радости!..

Сэр Клемент добавил резким голосом:

— У вас нет и не будет более преданных людей, чем мы, ваша светлость!

Я поклонился, поднес к губам кубок и долго пил, все смотрят и ждут, ибо никто не смеет прикоснуться к вину, пока сюзерен не выпьет и не сядет, а я, осушив наконец до дна, сказал с облегчением:

— За наши победы!

В зале люстры задрожали от громового «ура». Я поглядывал с царственной улыбкой, выжидал, когда сожрут мясо и поговорят между собой, гордясь подвигами и приобретениями, поднялся и сказал твердо и решительно, чтобы в корне пресечь всякие неуместные вопросы:

— Продолжайте пир, но не спалите дворец... да и столицу! Ладно, шучу... Я выведу навстречу наступающим войскам короля Барбароссы и Найтингейла. В мое отсутствие бдите здесь и работайте не покладая рук. Если кто где вдруг, то быстро и сразу, поняли?

Барон Саммерсет ответил за всех:

— За нас не беспокойтесь, ваша светлость, а вот вам понадобился бы отряд сопровождения!

Я сказал с тоской:

— Опять эта песня...

Виконт Рульф заметил хмуро:

— Не цветочки собирать едете, ваша светлость.

Сэр Геллермин уточнил:

— Короли любят, чтобы к ним относились с почтением. А если прибудете вот так, без никого...

Я ощутил, что он вообще-то прав, но постарался сделать свой голос громким и уверенным:

— Я с ними уже давно дружу, оба ко мне привыкли именно к такому, бессвитовому. Если приеду с большим отрядом, беспокоятся и начнут ломать головы, что я такое задумал? В общем, я ненадолго.

Сэр Вайтхолд смотрел на меня с беспокойством, а когда я в удивлении поднял брови, он пояснил:

— Вам нужно договариваться с ними, чтобы остановились на заранее намеченных границах... Но короли есть короли, у них власть и армия. Никто не сможет остановить, если захотят продвинуться дальше.

За столами лица у всех посерьезнели, даже налитые до краев чаши и кубки не согнали с лиц тени тревоги.

Сэр Геллермин обронил веско:

— Благоднейший сэр Вайтхолд прав... как мне кажется.

Я решительно возразил:

— Бросьте! Король Барбаросса, как и Роджер Найтингейл, — рыцари. Они всегда свято держат слово.

— Перед всеми? — спросил сэр Вайтхолд.

— Вроде бы да, — ответил я. — Во всяком случае, меня не обманывали. Но даже если бы не подписали договор, — а они подписали, — и тогда бы держались достойно! Не волнуйтесь, они в самом деле друзья. Наши друзья.

Рульф пробормотал:

— Да, но... пирог больно лакомый.

— Нет, — сказал я резко, — они были рыцарями и останутся рыцарями. Корона портит... не всех.

Я видел, как они посмотрели на меня очень внимательно, затем Рульф сказал за всех:

— Возвращайтесь поскорее, ваша светлость. Мы не уверены, что в этой громадине что-то да не сломается.

— И что сможем починить без вас, — добавил барон Саммерсет.

Глава 6

Во дворе конюхи вывели Зайчика, он что-то пережевывает на ходу, из пасти летят искры. Бобик радостно распрыгался вокруг, лорды вышли меня проводить,